

IX. Шестъ рѣшеній Полтавскаго полкового суда по разнымъ уголовнымъ
дѣламъ. 1683—1700 г. г.

а) Справа Василева Собкова, жителя Супруновскаго, передъ симъ двома разы ловлено на чужоложствѣ, а теперь Настя, удова Юрчиха, яку онъ, Собко, тожъ хотѣлъ згвалтовати, была зъ своего дому значне.

Року тисеча шестсотъ осмдесятъ третего, мѣсяця септеврия дня сегого. Предъ нами Костею Кублицкимъ, судею полковымъ Полтавскимъ, Андреемъ Нацинскимъ, атаманомъ городовымъ, Тymoшомъ Кгаевскимъ, зосланнымъ на врьдъ отъ его милости пана полковника Полтавскаго, и при бытности Мины Павловича, войта, Петра Юревича, бурмистра, и многихъ общихъ зацныхъ персонахъ, оставши Настя Юрчиха, прозиваемая Гноиха, жителка зъ села Супруновки, оповѣдала намъ жалъ свой и ускаржалася на Василя Собко, тогожъ села жителя, мовечи: Панове врьдовые особы, въ середу прошлую, септеврия 5, подбивалисмо зъ инними жонами зацными, въ егожъ Василевомъ дому Собковымъ, медъ; которого просиламъ, жебы и мнѣ повѣрить меду кгарнець. Однакъ реченъный Собко сказать мнѣ: же и такъ правѣ много есмъ винна, не повѣру; а потомъ повѣрить кгарнець и другой меду, который я зъ людьми зацными подбивала. Аже видячи себе подпилую, пошламъ до господы своей, отъ тыхъ

людей зацныхъ, и пришедши ку домовце, легламы спочивати на землю позачинявши дверѣ, албовѣмъ унукъ мой Иванъ тогда былъ на току. Теды помененный Василь Собко, пришовши до моей господо, отворилъ помаленку дверѣ, и пришовши до мене, торкнулъ у плечи и мовилъ: будь правѣ мнѣ поволна, а я южъ и тыхъ чтирохъ шаговъ за медь въ тебе правити не буду. Я зась зъ постели схопившись, почаламы его биты, первой въ сѣнехъ, а на потомъ и на дворѣ быламы его истикомъ, що видѣли жоны зацные: теслиха Гладкая и Иваниха Чорненкая. Тутъ же припозванъная предъ насъ теслиха Гладкая, подъ сумленемъ признала, же и я, мовить, видѣла, якъ Настя Гноиха была Собка истикомъ, а Иванъ унукъ оной, бѣгучи съ току, говорилъ Настѣ: за що ты, бабо, бѣеши чоловѣка? Она правѣ сказала, же я его не бю, але даю; и побѣгъ, мовить, Собко южъ не у ворота, але черезъ тынъ и черезъ левады, и не ночоваль въ домовце, лечь въ Семенка, жителя тамошнего, черезъ ночь былъ; до чого и самъ мененный Собко признался, же оттоль и челядника правѣ посылалъ на довѣдки, що ся дѣетъ въ старшины. Любожь атаманъ Супруновский и питался реченного Семенка, чи въ него ночоваль Собко, однакъ онъ таился; теды асаулци южъ самы найшлы Собка въ Семена оного. Зачымъ мы, вышменованный врьдъ, выслухавши повѣсти добровольной и скарги Настиней Юрчишиной, такъ тежъ и свѣдома признанного подъ сумленемъ теслихи Гладкой, а поневажъ и самъ реченный Собко Василь того не таился и мовилъ, же била правѣ мене Гноиха у своемъ дому. Теды узнавши его быти виннымъ и до вязеня давши, справу сию отложивши на далший часъ, записати казалисмо. А потымъ достатечне вѣдаючи, же помененный Василь Собко на чужоложствѣ не поеднокротне зловленный, и именно: за пана Прокопа Левенца полковникуючого, реченный Собко на томже чужоложствѣ былъ зловленный, где приплатился пану Левенцеву и врьдови мѣскому значне; за пана Леонтия зась Черняка, тожъ полковникуючого, зыманный былъ тотже Собко на богомерзкомъ дѣлѣ зъ быдлиною, именно зъ шкапою; аже и тогда врьдови мѣскому платилъ выну належную, а панъ Чернякъ туюжъ шкапу, зъ которою его Собка зловлено, взялъ за проступство оного. Теперъ зась, потрете, помененный Собко досвѣдочный сутъ въ томже богомерзкомъ дѣлѣ, же хотѣлъ былъ невѣсту, помененную Настю, усиловне згвалтовати и пополнити зъ нею грѣхъ содомский, которая недавши оному, выбила зъ двора своего при людехъ зацныхъ, значне. Теды за такое проступство и чужоложество въ богомерзкомъ дѣлѣ, помененный Василь Собко, ничего иншого, тылко смертельного заслужилъ карантя конечно. Однакъ мы, 24 септеврия выпустивши Собка зъ вязеня и углядѣвши на его въ подейшлихъ лѣтахъ старость, выну належную панскую отобравши, смертельнымъ горловымъ даровалисмы оного каранемъ. Тылкожь тое варуемъ пилно, же еслибы реченный Василь Собко еще въ томже богомерзкомъ поткнулся дѣлѣ и зловленный былъ четвертымъ розомъ на чужоложствѣ,

теды безотпустне караня смертелного не уйдетъ конечно. Справу зась сию властью нашою судейскою судилисмо и декретомъ прикривши, до книгъ мѣскихъ Полтавскихъ казалисмо записати, що и есть записано. Дѣялося въ ратушу Полтавскомъ, року, мѣсяца и дня звышменованного. (Кн. проток. Полков. полтав. суда, л. 14).

б) Справа Иванова Божкова зъ Нового Санджарова о пополненнѣ злого учинку въ чужоложствѣ зъ дѣвкой Марєю Луциковною, служебницею.

Року Божія 1684, месеца июня 18 дня. За вѣдомомъ его милости пана Павла Семеновича, полковника Полтавского, предъ насъ Кости Кублицкого, судѣ полку Полтавского, Андрея Нацинѣского, атамана городского, Федора Суховѣя, войта, Петра Юревича бурмистра, и при многихъ общихъ зацныхъ персонахъ, постановившия предъ насъ, Маря Луциковна зъ Нового Санджарова, служебница Иванова Богова, втежъ обывателя Новосанджаровского, скарги свои жалосливе плачливе предложила въ тень способъ: мои ласкавие панове, несподѣванне позбыламъ паненства моего, отъ господара моего Ивана Бога, который мѣючи челядника Яцка, и минѣ велѣлъ за собою иты, задля улевѣ двоухъ; яжъ, по розказаню его, принесла улевѣ два въ пасѣку за Ворсклу; яжъ тые улевѣ два положивши въ катразѣ, въ пасѣцѣ, и пошла была до дому. Онъ господарь мой Иванъ спитать: куди ты идешъ? Ямъ отповидѣла: къ дому иду; на то господарь мой сказавъ: позгоды, обручовѣ первѣй врубаю. А Яцко наймитъ подалъ и рунѣ рубавѣ. Обручовѣ же нарубавши толко, колкобъ могламъ къ дому принести и лыкъ зодравши и звязавшы, тые обручи положилъ долѣ на землю. Заразъ же и миѣ, бѣдний сиротѣ, усилине кгвалтъ той справивши, паненства мя позбавилъ, и яжъ тые обручи по розказаню его понесла къ дому; и не мѣючи кимъ освѣдчити, по розказаню господарскомъ мусѣламъ терпѣти, а на потомъ и сказаламъ господинѣ моей. Выслухавши скаргъ реченной служебницы Ивановой Боговой, содомчика оного велѣли до везеня дати, отложивъши тую справу на далѣйшій часъ. Писанъ въ ратушу Полтавскомъ.

Року вышъреченного, месеца июля четвертогонадцят дня. Предъ врьдъ нашъ мѣский Полтавский, особъ вышмененныхъ, ставши ку законъченю тое справи панъ Яковъ Меленценко, сотникъ Новосанджаровский, выразилъ словне: Панове, ткнулася и насъ тая справа Иванова Богова о условный кгвалтъ Мари Луциковнѣ въ лѣсѣ. Посилалемъ Романа Юсченѣка, хоружого нашего сотницкого, и при немъ Миска Шемберка, Семена бурмистра и Дацка Слыша, абы слушне, правдиве углядѣли тыхъ мѣстцѣ, гдѣбы ся тень кгвалтъ Мари сталъ; но то посланіе реченнѣ такъ сказали: Вправдѣ то видѣлисмо тое мѣстце, где тень кгвалтъ Мари

сталь, и на якомъ мѣстѣ таяжъ Маря сказала, тамъ была потолока, и гдѣ обрубъ рубаль вершина въ пущѣ и лутины где лыка на липинѣ драгъ. Самая истота въ нецотливыхъ поступкахъ на Ивану Богу слушне ся показала. Выслухавши мы повѣсти реченьного пана сотника и хоружого его, и Дацковой Слышовой, товариствъ Новосанджаровскихъ, а при той справѣ стоячи Иванъ Богъ, просилъ надъ собою змилованья: Панове, змилуйтеся надо мною, южемъ и сповѣди святой выслухалемъ, грѣхъ то мене смертельный споткалъ, мѣючи мнѣ и жону мою, а тогомя грѣху смертельного допустилъ. Выслухавши мы слушныхъ доводовъ и повѣсти Ивановой Боговой, поневажъ то грѣхъ тенъ смертельный справилъ, панѣнства Мари Луциковнѣ позбавивши, вынайшлисмо декретъ зъ правъ майдебурекихъ, въ порадку обширнѣй написаномъ, о невѣстахъ и о дѣвкахъ, на листѣ третемнадцатъ: «невѣсту, албо дѣвку хтобы згвалтилъ, теды таковая мѣтъ предъ врьдъ оповѣсти, где бы ся тое стало, еслибъ въ полю албо въ дѣсѣ, тенъ збродень по сповѣди мѣтъ на горле скаранъ быти зытемъ шии». А поневажъ просилъ насъ Иванъ Богъ надъ собою змилованья, даровавши его смертелною карностю, приказуемъ, абы Мари нагородилъ слушне, за збавене панѣнства ея, зъ нагороженемъ вини панъской и намъ належной врьдовой. Справу сию велѣлисмо въ книги мѣскіе Полтавскіе вписати; що сіе есть вписано року и дня вышменованного. Дѣвчина заплата од Ивана Божка за збавене панѣнства: корова една, якую сама сподобасть; овецъ пятеро; курта шиптуховая, баранками подшитая; ложникъ и подушка; плахта една; сорочокъ жоночихъ три, намѣтокъ двѣ; чоботы червоніи; поясъ штучковый; хлѣба на его жъ нивахъ сама собѣ нажнетъ; а що рокъ служила, то за тое особливе платити повинъ. (Т. ж., л. 20).

в) Справа прибышовъ розныхъ.

Року 1689, мѣсеца іюля 28 дня. Передъ насъ Леонтия Черняка, на мѣстѣ пана полковника зостаючого, и при бытности Ивана Красноперича, судѣ полкового наказного, Андрея Нащиньского, атамана городского, Анѣдрея Яковлевича, войта, Петра Юревича, Криска Іосифовича, бурмистровъ, и при многихъ зацнихъ персонахъ, постановленный предъ насъ Хвеско Буряченко, прибышь, такъ доброволне визналъ: Панове, самую доброволную правду вамъ повѣдаю: Юско Хведченко Хведорковский водилъ насъ въ прибышствѣ презъ усю петрювку року теперешнего, и всюдисмо комори розбивали и выкладали, людей обдирали, о которомъ поворотѣ нашомъ знали и всѣ приятели его, що мы чинили; а онъ Юско давний есть злодѣй и всѣ складки наши въ приятелей Юсковихъ знайдовалися: кожухи, жупани и платя бѣлое жоночое, и казанъ, который на Горбанювцѣ вкралисмо; а въ Кулинчихи Милчанской особливе нами

вкрадена курта и кожуховъ чотире, которые вси речи забравъ Юско до сховаия. Овожъ, панове, болшей не питайте; остатнюю вамъ правду повѣдаю, же Юско цѣлий злодѣй, такой же, який и я; по рознихъ мѣсахъ розние шкody чинилисмо, крали и розбивали, и тое все поховано въ лѣсѣ, въ пасицѣ Мари, тещи его; и онъ Юско говоривъ мнѣ: колибы не трусили подъ улями въ пасѣцѣ тещиною—то понаходятъ много рупесковъ, бо тамъ есмо все поховавъ поподъ улями.

Тутъ же Василь Скучко, прибышъ, повидѣлъ доброволне: я тилко три недѣлѣ ходивъ съ прибышами, зъ Хвескомъ Опошлянскимъ и зъ Грицкомъ блукали; тие и теперъ въ лѣсахъ въ прибышахъ ходять, людей розбиваючи.

Тоеи жъ компанѣи прибыской, розбойникъ Петро Опошлянский зъ села Заичинецъ Корсуненко доброволне визналъ: я всю Петровку сего лѣта ходилемъ съ прибышами, розбиваючи; многесмо шкody людямъ строили въ розбой и въ краденіи коморъ. Мы теди видѣчи явнихъ збродневъ розбойниковъ и при лицѣ зостающихъ, болшихъ доводов не потребуи, и не допускаючи злимъ на свѣтѣ жити, такъ ижбы ся тая злость въ городѣ и по селахъ не дѣяла, прихилиячиси мы до рады товариской и до суду нашего приналежныхъ особъ, винайшлисмо декретъ зъ роздѣлу чотирнадцатого, артикулу сегого, где обширнѣй опѣваетъ о важности лица, за що злодѣя маемъ карати горломъ; тутъ же стосуючиси ведде права майдебурского въ порядку написаномъ обширнѣй о карности злочинцовъ, части четвертой, на листѣ сто двадцят девятомъ: по квестии злодей маеть быти обвѣшонъ.

Квестия. А кгда выданъ былъ на квестию Хвеско Буряченко, прибышъ, за першимъ потягненемъ, за вторымъ и за третемъ и за приложениемъ распаленого желѣза, волавъ: моя то злость, розбивалемъ людей и комори кралисмо зъ товариствомъ нашимъ; Юско Хведченко вожовавъ насъ и тие речи въ домъ свой ношовавъ и ховавъ въ лѣсѣ, въ пасицѣ своей.

Тожъ и Василь Скучко розбойникъ волавъ: розбивалисмо людей рознихъ и комори дралисмо; слово въ слово и Петро Опошлянский волавъ, явний злий свой поступокъ визнавалъ. А по квестии велѣлисмо тим розбойникомъ каждому по одной рѣцѣ и по нозѣ втяти, так ижбы тая злость не множила.

Квестия. А кгда южъ виданъ былъ Хвеско въ руки мистру, за першимъ, за вторымъ и за третимъ потягненемъ, волавъ все едно: Юсипъ Хведченко Хведорковский, едно онъ зъ нами розумѣвалъ крадучи, розбиваючи и тую добычу отъ насъ беручи, ховалъ въ лѣсѣ, въ пасѣцѣ тещиною. Знову пытанный былъ той же зрайца—еслибы вѣдала теща Хведченкова, albo шурина его Харко, тое первѣй волавъ, якобы родичѣ его вѣдали, а теща и шурина его Харко жаднихъ складокъ зъ нами не мѣли, кромъ зятя ихъ, той еденъ зъ нами краль, а тещи и шурина его

не хотимъ дармо каляти, бо они добре люде, а зять ихъ Юско злѣдѣй и едно зъ нами розумѣвъ.

Григоръ Демченъко добровольне мовить: Омелянъ, дядко мой, о злости моей не вѣдавъ и грошей я ему не дававъ десяти копѣ, наветъ и одного осмака не далъ; и дармо на него сказалисмо были безчестие.

Петро Голиченъко, прибышъ, добровольно визнасть: Леско Матяшенко не мѣлъ жадного порозумѣня зъ нами; онъ есть зацний чоловѣкъ, томъ на него дармо наволѣкъ безчестие, а теперь того не знаю, бо въ насъ и ничего не было. За першимъ, за вторимъ и за третимъ потягнемъ и сродзе розпаленного желѣза волавъ. Петро прибышъ: Леско Матяшенко зацний чоловѣкъ, нѣ о чомъ онъ зломъ дѣле не знаетъ; такожь и Дмитро Козубенко зацний чоловѣкъ, нѣтъ въ чомъ зломъ дѣлѣ напсомъ не вѣдаетъ; дармосмо на него безчестие наволокли были, а онъ того нѣчого напшого дѣла не вѣдаетъ.

Петро прибышъ Голиченко и Карпъ Недорослый, прибышъ, волали на Левкового зятя: козаки отгромили въ него ношу, зъ жупаномъ, зъ поясомъ верблучимъ и чоботы сафяновіе, а о иншихъ мы рупскахъ не вѣдаемъ. А Хвеско Дубиненко, прибышъ, который зъ насѣки Левковой вѣтъ, той во всемъ добре знаетъ; южь на той свѣтъ идемо, самую правду вамъ повѣдаемъ. Ведле того добровольного признатя тихъ неробочихъ прибышовъ, той своеволи прибыскою не допускаючи ширитися, винайшлисмо декретъ зъ порядку справъ майдебурскихъ, части четвертой, на листу сто двадцять девятомъ, ку концови: «злѣдѣй по квестии масть быти обвѣшонъ». Той же карности и сие реченние зрайци подтеглими zostали. Справу сию в книги мѣские Полтавские (казалисмо) вписати, що и ест вписано року и дня вишъположеного. (Т. ж., л. 70).

г) Справа Василя Кибаленка, пойманого на вшетеченствѣ съ Педорою Пилипихою удовою, жителей Иванчинскихъ, — записана въ книги наши мѣские Полтавские, такъ ся масть.

Року Божого тысяча шестесть девяностъ четвертого, мѣсяца мая двадцет второго дня. Предъ насъ Микиту Михайленка, атамана городского Полтавского, Якима Карповича войта, Грицка Шубенка, бурмистра, и при многихъ значныхъ обшихъ персонахъ, припроважена зъ Иванчинецъ Педора Пилипиха, пойманая на вшетеченствѣ зъ Василемъ Кибаленкомъ, на которыхъ справу свѣдѣтельства таковыя суть выведены:

Юркова Коломийченкова повѣсть: Панове, Алексѣй Руденко, атаманъ Иванчинский, взявши вѣдомость отъ многихъ людей тамошнихъ о Педорѣ Пилиписѣ, же зъ Василемъ Кибаленкомъ вшетечне живетъ отъ многихъ часовъ, пришедши до господи моей сказалъ мнѣ и Уласенкови Федору: пойдѣте а поймайте Пилипиху, або вѣмъ теперь, якъ люде повѣдають,

певне застанете на такъ скверномъ вшетеченствѣ обоихъ. Где пошедши смеркомъ, зъ третимъ асаулцемъ, до господи еи, а вчувиши, же такъ есть, ижъ обое въ коморѣ найдуются, Педора засъ и собѣ въ комори будучи, насъ почувши, стала ганити, повѣдаючи: або я яка нецнота, же до дому моего ходите, мене перестерѣгати; въ чомъ мы звонтпивиши перве, а потомъ вѣдаючи, ижъ и онъ Василъ Кибаленко есть зъ нею въ коморѣ, а не опускаючи тоѣ справи, хотѣли сокѣроу двери коморние выстановляти, а же она, Пилипиха, видячи свою бѣду, стала насъ просити, жебы дверей не псовали, и сказала, абы взяли въ хатѣ за мисникомъ отъ млина ключъ и отомкнули (бо замкнено ихъ было знадвора); а такъ мы взявши тотъ ключъ и отомкнувши, зимали и полы обоеимъ врѣзали; которихъ поли теперъ и предъ милостями вашими показуемъ. Тие засъ вшетечники и грошей намъ дали полчварта золотого, безъ шостака, абовѣмъ онихъ приобецалисмо были пустити. А такъ взявши отъ нихъ нагороду, привели заразъ до сѣлского ратушу. Поти моей повѣсти. Страсти Христовы на крестѣ видячи, абы и души своей не образити, правду вамъ подъ сумленемъ повѣдаю, же тое такъ было, а не иначе. Туюжъ сентенцію, albo рачей доводъ, другий свѣдокъ Педоръ Уласенко и Сахно асаулецъ, котриѣ тихъ вшетечниковъ зимали, и поединцемъ на шкрутинѣй, то есть для вивѣдованя предъ судъ били ставлены, слово въ слово подъ сумленемъ тежъ повѣдали. Прето мы, урядъ, подаючи тую справу самого добродѣя нашего его милости пана полковника увазе, велѣлисмо записати. Що есть и записано.

Року вишеположеного, мая 23 дня. За вѣдомомъ его милости пана Павла Семеновича, полковника ихъ царского пресвѣтлого величества войска Запорозкого Полтавского, предъ насъ урядъ помененный Полтавский, для dokonчєня справы постановленние вшетечники, Василь Кибаленко зъ Педороу Пилипихоу удовою, жители Иванчинские, на вшетеченствѣ зимание и питаны, для чого бы такъ на пана Бога и на карность посполитую не уважаючи, допустилися злого порубетва? Аже оная Пилипиха сказала: а щожъ, панове, грѣхъ мя споткавъ, хотѣламъ оного Василя за мужа поняти и для того ему припустиламся на грѣхъ, зъ которимъ шекгулнемъ тиждень жила; волно вамъ, панове, проступилисмо Богу и карности годнисмо. Теды судъ нинѣшний на таковихъ вшетечниковъ яение маючи доводи, до чого ся и самы оние признали, запобігаючи симъ декретомъ, абы впредъ таковые неповестягненниѣ были отъ злого повестягнення, и до спросностей злихъ не удавались, велѣтъ онихъ значною публѣкою, то есть столповимъ обоихъ вязенемъ скарати. И при заплаченю вины належитой панской и врядовой сию справу до книгъ записавши, скончити року и дня звишферованного. (Т. ж., л. 169).

д) Справа ганебная Данилова, Клѣтного зятя, о пополненіи зъ Параскою Жадановною, невѣсткою его, нимже самимъ Даниломъ содомекого грѣха и о прижитіи промежъ собою плоду и о страчене одного ими жъ, якая такъ ся в собѣ маеть.

Року 1699, февраля 17 дня. Предъ насъ Івана Насвѣта, наказного полковника Полтавского, Стефана Фирѣнки, атамана городского, при битности Якова Ивановича, войта, Алексѣя Матвѣевича, бурмистра и при многихъ значныхъ общихъ персонахъ, присланние зъ суду духовного от его мл. отца Луки Семеновича, протопопи Полтавскаго, Данило Клѣтненко, который чужоложне мешкаючи зъ Параскою Жадановною удовицею, невѣсткою своею, якую держалъ пасербъ его въ малженствѣ, плоду набувши згубили и сами на себе тотъ ганебный учинокъ визнали: грихъ нас, мовить, панове споткаль, бо еще отъ свят прошлихъ воскресенскихъ знесиися я зъ Параскою, невѣсткою моею, мешкалисмо по смерти жони моей въ едномъ дому и грѣхъ полнячи, прижилисмо дитя, дѣвчину, и на морозѣ держачи оную, зморозили и въ хижѣ у землю закопали, уходячи публѣки свѣтовой и карности; любожъ я еѣ Параску одъ того и одводилемъ, леч не моглемъ еѣ в томъ погамовати, бо она мнѣ сказала: волимо вже за грѣхъ терпѣти у Бога кари, нежли встидъ межи людьми мѣти; и такъ по ей волѣ и я далшѣ и болшѣ одъ той згуби не отводилемъ, але и самъ на тоє радиль.

Судъ познавши такой ганебный учинокъ Даниловый и Парацинъ, же предкомъ Господа Бога на себе прогнѣвали, за такую спросность, ижъ въ сродствѣ будучи, допустилися такого грѣха, а що горшая, поневажъ еще и плодъ набувши, оный згубили, вглынувъ въ право посполитое въ Статутъ князства Литовского опиваное, въ роздѣлѣ одинацятomъ, артикулъ шестдесятий, о караніи такихъ невѣсть збитечныхъ, которые би дѣти свои, албо кого иного згубили, где такъ стоить: уставуемъ, ижъ кдѣбы которая белая голова не живючи въ стане малженскомъ, але вшпетечнеся и нерядне справуючи, и такъ плоду набывши, а потомъ для встиду албо боязни каранія, тотъ плодъ сама, албо черезъ кого иного, стратила и о смерть приправовала, а на такомъ учинку била бы сама, албо тотъ хто онее справовати то будетъ, поймана, албо бы то якимъ слушнымъ певнимъ значнымъ и явнымъ доводомъ переведено было, таковие, яко тотъ хто ся то чинити, а плодъ такой губити подвезалъ, яко и тая, которая плодъ свой на страту дала, сами мають горломъ каранія быти. Тому жъ декретови тие двое збитечники и явно грѣшники Данило и Параска, невѣстка его, zostали подлежащими, которые подълугъ права, за свою такую ганебную вину zostали стяти.

Справу сию скончивши, до книгъ нашихъ мѣскихъ Полтавскихъ записати (казалисмо), що есть и записано року, месеця и дня звишписанного. (Т. ж., л. 202 об.).

е) Справа о убийство Гапки шинкарки, лезной, Тимкомъ гап-
старомъ Полтавскимъ, якая такъ ся маєть въ себе.

Року Божого тысячного сѣмьсотного, месеца мая девятого дня. Предъ
урядомъ нашимъ полковимъ Полтавскимъ, Иваномъ Насвѣтомъ, наказ-
нимъ полковникомъ, Петромъ Буцкимъ, судиею полковимъ, Стефаномъ
Фѣрѣнкою, атаманомъ городовимъ, Якимомъ Карпенкомъ, войтомъ, и Але-
ксѣемъ Матвѣенкомъ, бурмистромъ, зиманий на мужобойствѣ убийца Тимко
гаптарь Полтавскій и приведенный на мѣстце судовое до ратуша, которого
пытано причины о убийство Гапки шинкарки у Пречисткомъ дворѣ бу-
дучое, що Тимко тую причину сказалъ: я, мовить, панове, въ томъ дворѣ
пивъ, а она Гапка, безъ даня причины, мене по щокахъ ударила, чого
я, пиянимъ будучи, нестерпѣвши вдариłemъ ей тилко всего два рази, ко-
торая павши на землю заразъ и духа пострадала. Судъ прето еще на
достовѣрнѣйшій доводъ той справи, велѣвъ зискати Ганну Иваниху ста-
рую, которая такъ сказала: пришовши я зъ мѣста до тои жъ господы,
въ дворъ братерскій, не застала въ хатѣ нѣкого, толко самую Гапку; а
же поставцѣ на столу стоять порожние и столъ политый, спыталася:
чи то въ тебе, Гапко, напиту немаєшь? Позбѣрала зъ стола поставцѣ и
тое ей сказавши, пошла зъ хати въ другую, и обачила, же горшки въ
печѣ зъ стравою поворочано, а пошовши знову въ хату переднюю, нарѣ-
кала на Гапку за тое, же шкода есть, страву поворочано; а глянувши
на комънать дверѣ и взявши зъ вокна железное перехриста, хотѣла
понести его у комнату, ажъ двери комнатные мотузкомъ завязаны; кото-
рии я отчинивши увойшла въ комнату и застала его, Тимка, зъ черни-
цею нѣякоюсь зъ Будиского монатира, а вернувшись зъ комнаты, ска-
зала: Гапко, чого онъ, Тимко, туда увойшелъ? а Гапка отказала—не знаю
для чого, и коли невидѣлаемо. И почала его, Тимка, зъ комнаты гонити.
Сама тежъ напередъ вибѣгши, зацепнула двери зацѣпкою, а Тимко
почалъ дверми трусити и велить отцепнути; она жъ скоро отцепнула
дверѣ, а Тимко вибѣгши почалъ ей Гапку бити, виговорючи: сякая та-
кая нецното, чому ты на мене наволѣкаєшь безчесте? И такъ тиранско
билъ, же ажъ заледво водою оную отлили. Она, Гапка, пришовши къ
собѣ, схопившись кинулася до Тимка, а Тимко знову ей затылъ два рази
которая впавши на землю вмерла, и такъ одъ Тимковыхъ рукъ небожка
свѣта пострадала. По словахъ Тимковихъ и по свѣдѣтелству Ивании-
номъ, велѣлъ судъ Тимка, нѣмъ будетъ небожка Гапка погребена, прико-
ваты при тѣлу небожки, и по погребѣ звичайний его Тимка розказалъ
до секвестру дати и справу конечную отложивши до указу пана звѣрх-
нѣйшого, записати указалъ въ Полтавѣ, року и дня звишферованого.

Року тогожъ, мая 16 дня. Ми, вишей помянутий особы маестрату
нашего мѣского Полтавского, отобравши отъ звѣрхнѣйшого пана нашего
властелина, от его милости пана полковника Полтавского, указъ цетоваты

тую справу о убиство Тимкомъ Гаптаромъ небожки Гапки, подлугъ належитого права; аже и акторская сторона жалосная, роженная сестра небощина домовлялася судового всказання, велѣтъ судъ его Тимка, яко на горячомъ учинку зиманого, мужоубойцу предъ собою поставити, не для виведеня инквѣзиции, лечъ для ферованя декрету и уконченя справи, а (.....) сей праву посполитому въ порядку правъ майдебурскихъ, на листѣ двѣстѣ двадцетъ первомъ, о розмантой смерты рознихъ злочинцовъ вираженому, ижъ таковой мужобойца маєтъ быти стять мечемъ, любожъ и Тимко Гаптаръ такому подлежащымъ годенъ былъ декрету, аже звѣрхности его милости пана полковника суду росказала дороваты его горломъ за усиловнымъ кривавослезнымъ матки его Тимковой и теңци оногожъ зъ жоною его прошеніемъ, а до того, ижъ онъ, Тимко, видячи такъ великое по Бозѣ его мылости пана полковника отцевское надъ собою милосердіе, ижъ не тилко на здоровю не пострадалъ, и на худобѣ ненарушонымъ zostалъ, во вѣчние и неуставаючие роди, зъ жоною своею, поручилъ себе въ доживотноу дому его панскому службу. Толко наказалъ той же судъ подлугъ права въ Статутѣ князства Литовского въ роздѣлѣ дванадцетомъ, артыкулѣ шестомъ, абы онъ, Тимко, кривымъ небожчинымъ, за таковую ихъ кривую невѣсту, которая жила лезно, безъ мужа и не мѣла его, а щинкомъ бавилася, пятьдесятъ золотихъ заплатилъ поголовщины; и за отпаву погребу и за душу сорокоустъ поеднати духовныхъ старался. При заплаченю выни врядовое, справу сию скончивши въ книги наши мѣские Полтавские записать росказалисмо року мѣсяца и дня. (Т. ж., 226 об.).

Х. Рѣшеніе Полтавскаго полковаго суда по спору за захватъ земельного участка.

Року 1683, мѣсяца марта 14 дня. Предъ насъ Андрея Лучченка, обозного полку Полтавского, Тимоша Кгаевского, судѣ наказного, Стецька Петрашенка, атамана наказного, Максима Петровича, войта, Максима Павленка, бурмистра, и при многихъ зацнихъ персонахъ, ставши предъ насъ Яцко Локошчинъ зять скарги свои вкладаѣ на Ивана Красноперича, атамана городского: панове, не допускаетъ мене атаманъ къ моимъ добрамъ кгрунтовъ частки, що мѣю купленимъ способомъ въ Проня, мѣю заводцу и прошу въ томъ skutечной справедливости. Выслухавши мы скаргъ Яцковихъ, на тие скарги казалисмо атаманови отповѣдати. Ставши атаманъ такую отповѣдъ далъ: варуй того Боже, я собѣ мѣю мои власние кгрунта веде Яцка, купление въ потомковъ небожчиковыхъ Снѣжковыхъ, якъ есть и въ книгахъ мѣскихъ Полтавскихъ записано, а мой кгрунтъ есть въ собѣ общиркованъ, а въ чужие кгрунта трудно мнѣ втручатися, мѣю жъ заводцу своего и людей стариннихъ, которые добре свѣдомы тыхъ